

Лан Цзюнься зашел внутрь столичной резиденции и закрыл за собой ворота, а Дуань Лин с трепетом наблюдал за ним: он не произнес ни слова за все время, пока вел его сюда. Дуань Лин понял, что если он действительно хочет его убить, то ему не удастся убежать, как бы он ни будет стараться. Многие предначертано с самого начала, и от этого стало еще спокойнее.

— Это твой дом? — спросил Дуань Лин.

— Это дом, который пожаловал мне Его Величество. В основном я живу во дворце.

— А где мой отец?

— Все еще ищет тебя. Если не считать нескольких дней, проведенных в столице в прошлом месяце, он вообще не возвращался.

— Скорее отправь ему письмо.

— Когда я увидел этот нож, то сразу понял, что это ты, поэтому я уже тайно послал человека передать ему весточку. Сейчас влияние Му Куанды затмевает влияние всех остальных чиновников при императорском дворе, и он, по сути, контролирует, какую информацию получит Его Величество. До возвращения Его Величества ты не должен показываться при дворе.

Дуань Лин кивнул, и Лан Цзюнься сказал:

— Сначала искупайся. Я расскажу тебе все в подробностях, когда поужинаешь.

Поместье было богато обставлено, но слуг почти не было, и Лан Цзюнься приготовил для Дуань Лина бочку в боковом крыле. Погрузившись в воду, он наконец-то выдохнул с облегчением. У него накопилось слишком много вопросов, но он не знал, с чего начать.

В дверь постучали, и вошел Лан Цзюнься. Дуань Лин лег в бочку, как в детстве, а он закатил рукава и наклонился, чтобы вымыть ему волосы.

— Ужин готов.

— В тот день ты...

— В тот день канцлер Му велел мне приехать в Шанцзин, убить тебя и привезти Его Высочеству твою голову, — рассеянно отвечал Лан Цзюнься, намыливая волосы Дуань Лина. — Я не хотел об этом говорить, потому что беспокоился, что у Му Куанды есть другие шпионы, засевшие в городе. В какой-то момент я заподозрил, что это могла быть Сюн Чунь.

— У меня не было приказа, и я не осмелился пойти к Его Высочеству, поэтому принял одностороннее решение забрать тебя и затаиться на некоторое время, чтобы тебя не использовали в качестве заложника.

Пока он говорил, Лан Цзюнься достал что-то из сумочки на поясе — это была та самая нефритовая дуга, чистая и прозрачная.

Он повязал ее на шею Дуань Лина, и тот мгновенно пришел в изумление.

— Где... где ты это нашел?

— В аптекарской деревне. Не потеряй ее в этот раз. Сначала я подумал, что ты умер, и не решился отдать ее Его Величеству — подумал, что это даст ему надежду. К счастью, да благословят небеса нашу Великую Чэнь, ты выжил.

— Сюн Чунь не предала меня. Она сопровождала нас до самого выхода из города, — ответил Дуань Лин. — Она пожертвовала собой.

Лан Цзюнься больше ничего не говорил. Дуань Лин закончил мыться, и к тому времени, как он вышел из нее, ему стало немного неловко.

— Ты вырос, — сказал Лан Цзюнься.

Он накинул на Дуань Лина новый халат, заставил его надеть его и, как когда-то, когда Дуань Лин был маленьким мальчиком, взял его за руку, чтобы провести через галерею в столовую.

Он приготовил несколько простых блюд, и, как только Дуань Лин сел за стол, он взял палочки и приступил к еде.

— Когда Его Величество вернется, я приведу его к тебе. Сейчас ситуация при дворе нестабильна. Мы должны тщательно обдумывать любое решение, которое примем в дальнейшем.

— Почему?

После недолгого молчания Лан Цзюнься заговорил снова:

— У четвертого принца нет наследника, и он женился на младшей сестре Му Куанды, Му Цзиньчжи. Они надеются, что Му Цзиньчжи родит ребенка. Если ты так и не появишься, то трон перейдет под контроль семьи Му.

— Но мой отец не позволит им делать то, что они...

— Он не хочет возвращаться. Он сказал, что пока не найдет тебя, не вернется в Сычуань. Он уже потерял Сяовань и не может потерять и тебя.

Дуань Лин замолчал и уставился на Лан Цзюнься, как грустный ребенок.

— Ты ведь знаком с моей матерью?

Лан Цзюнься ничего не ответил и отпил глоток вина.

Дуань Лин в оцепенении посмотрел на него, и вдруг почувствовал легкое головокружение. В животе появилась резкая боль.

— Лан Цзюнься, у меня болит живот.

Лан Цзюнься смотрел на него, словно в трансе. Прошло несколько ударов сердца, и Дуань Лин, казалось, понял, что это за боль.

И вот так они смотрели друг на друга, а боль в животе Дуань Лина становилась все сильнее, и в конце концов он закусил нижнюю губу, между его бровей пролегла глубокая складка, а все его тело словно окунули в ледяную воду, и разум начал бредить.

Он открыл рот, но из него не выходило ни слова. Медленно опустившись на стол, он наконец закрыл глаза, и мир вокруг стал совершенно темным. В самый последний момент он увидел, как рука Лан Цзюнься потянулась к нему, смыкаясь на тыльной стороне его ладони. На ней не хватало пальца.

Последняя мысль проскочила в голове Дуань Лина: «Кто тебя ранил?»

Все это время Лан Цзюнься нежно держал его руку, и Цай Янь тихо произнес со своего места за окном:

— Слушай, он не спрашивал обо мне. Возможно, он решил, что я тоже погиб.

Лан Цзюнься некоторое время молчал, а потом заговорил:

— Ты не хочешь его увидеть?

Цай Янь так и не зашел. Наконец Лан Цзюнься развязал нефритовую дугу, положил ее на стол и поднял Дуань Лина. В тот самый момент, когда он зашел в дверь, Цай Янь стремительно

увернулся от него и исчез в конце коридора.

Рука Дуань Лина висела у него на боку. Он только что помылся, поэтому его кожа была чистой, а волосы распущены; глаза были плотно закрыты, словно он находился в глубоком сне.

Лан Цзюнься прошел по коридору на задний двор с Дуань Лином на руках и усадил его в тележку.

Он наклонился, аккуратно расправил одежду Дуань Лина и снял с него верхний халат, оставляя только исподнее, а затем нежно погладил его лоб.

Раздался треск конского кнута, и Лан Цзюнься увел карету с заднего двора в сторону городских ворот.

Цай Янь стоял за окном второго этажа с нефритовой дугой в руках и молча выглядывал на улицу.

Повсюду цвели персики, заполняя небо и покрывая землю, когда они разлетались в ночи. Под светом луны карета остановилась на берегу реки Мин. Ее поток стремительно несся на восток*.

* Река Минь течет с севера на юг, но, соединяясь с Янцзы, она, как известно, течет на восток. Метафора «вода, текущая на восток» означает неизбежность сожаления, поскольку Янцзы вечно течет в противоположную сторону.

Лан Цзюнься поднял Дуань Лина из кареты и с ним в руках пошел в лунном свете к возвышающемуся над рекой утесу.

Позади него, рассеивая лунный свет, благоухали персики, и каждый лепесток разлетался по ветру вдаль.

Он держал Дуань Лина в своих объятиях, как в тот самый день, когда увез его из Шанцзы, из смерти в тепло весны. Теперь же он уносил его из этой теплой весенней ночи в вечную тьму.

В нежной и извилистой мелодии флейты он унес Дуань Лина с поля боя, усеянного копьями и бронированными лошадьми, в персиковый сад, цветки которого устилали землю на десять ли в длину; через пустыню, изрезанную бурями, в пышную зелень Цзяннани.

И наша жизнь — наплыв, что сон! А радостью живем, ну, много ль мы?*

* Из предисловия к «В весеннюю ночь пируем в саду, где персик и слива цветут» Ли Бо.

С края обрыва тело Дуань Лина упало прямо в реку Мин. Он с плеском ударился о воду, и подземное течение в темноте унесло его в бездонный водоворот.

Поздно вечером у дворцовых ворот остановилась карета. Стражник открыл занавес и помог Цай Яню сойти вниз.

— Ваше Высочество.

Цай Янь прикрепил нефритовую дугу к поясу. Стражник тихо произнес:

— Улохоу Му довез карету до берега, а потом бросил труп в реку.

Цай Янь спросил:

— А по дороге он нигде не останавливался?

Охранник покачал головой, и Цай Янь кивнул ему. К нему подошел другой стражник.

— Его Величество проснулся. Он ищет вас.

— Как только Улохоу Му вернется во дворец, скажи ему, чтобы он шел спать. Не нужно приходить ко мне.

Цай Янь ускорил шаг, чтобы увидеть императора, и его фигура слилась с темнотой.

Приток реки Мин, на скалистом берегу.

Издали доносился стук копыт, и девушка скакала верхом в мужской одежде, а края ее платья развевались на ветру. По берегу бежали две охотничьи собаки, осматривая труп, прибитый рекой. Девушка с недоумением взглядела в заросли.

Охотничьи собаки лаяли, обнюхивая лицо Дуань Лина, и ее догнал мужчина верхом на лошади.

— Принцесса!*

* В императорском Китае было много уровней принцесс. Принцесса Кунпин не родилась с титулом, и она не унаследовала титул своего отца, поскольку это может сделать только первородный сын главной жены, и, вероятно, именно поэтому ей был присвоен титул 郡主 (Цзюньчжу). Ее титул можно еще перевести как «Великая княжна».

Эта девушка была дочерью принцессы Дуаньпин и Хуайинхоу, принцессой Кунпин, ее звали Яо Чжэн. Сегодня она вышла из города в мужской одежде, чтобы помчаться верхом вдоль реки Мин, и рысью направилась по горным тропинкам. Две любимые собаки, которых она держала при себе, бежали по склонам так беспечно, что она умудрилась их потерять, и вот Яо Чжэн преследовала их до этого места. Обнаружив на каменистом пляже тело молодого человека, она была весьма озадачена.

Мужчина был одет во все черное, и конец его ремня развевался на ветру, когда он скакал за ней. Солнце светило ему в лицо, и свет этот был так ослепительно ярк, что он не мог сомкнуть глаз. Это был У Ду.

— Принцесса, — У Ду не знал, что с ней делать.

— Горные тропы здесь труднопроходимы, а весной здесь много змей и ядовитых насекомых. Это небезопасно. Давайте вернемся назад.

— А ты кто такой? С каких пор ты можешь указывать мне, что делать? — произнесла Яо Чжэн.
— Если не хочешь сопровождать меня, отправляйся назад сам!

Видя, что на пляже никого нет, на улице солнечно и светло, а все цветы в полном цвету, У Ду осталось сойти с лошади только для того, чтобы осмотреться. Только убедившись, что змей, скорпионов и прочих ядовитых опасностей нет, он молча кивнул Яо Чжэн и встал на берегу реки, оперев руки в бока.

Яо Чжэн громко захихикала. У Ду изо всех сил старался утихомирить гнев в своем сердце. Он оглядывался по сторонам, сжимая брови, и, заметив двух собак, лающих в зарослях, направился в ту сторону. Яо Чжэн слезла с лошади и с уклончивым выражением лица встала на берегу реки.

— Принцесса, — снова обратился к ней У Ду, — не стоит подходить к реке слишком близко. Здесь очень неспокойно.

Яо Чжэн не обращала на него внимания. В зарослях У Ду нашел избитое тело Дуань Лина, покрытое порезами и синяками.

Яо Чжэн некоторое время стояла рядом, а затем подошла к нему. Увидев Дуань Лина, она

спросила:

— А, почему здесь мертвец?

У Ду опустился на одно колено, чтобы проверить его дыхание, и понял, что тот уже перестал дышать.

Он сказал:

— На его теле нет смертельных ран. Чей это ребенок?

— Он мертв, так ведь, — сказала Яо Чжэн. Когда У Ду нажал пальцами на шею Дуань Лина, она добавила:

— Пойдем.

— Подожди минутку, — сказал У Ду.

Яо Чжэн насмешливо произнесла:

— Если мы в ближайшее время не вернемся, на тебя потом накричит твой хозяин.

У Ду повернулся и бросил взгляд на Яо Чжэн, как будто собирался что-то сказать, но в конце концов оставил это при себе. В этот момент меридиан на шее Дуань Лина слегка запульсировал.

У Ду нахмурился, пробормотав про себя «Яд?».

Яо Чжэн вдруг заговорила:

— Эй, У Ду, я слышала, что ты можешь ядом губить живых, но и воскрешать мертвых. Почему бы тебе не попробовать? Если у тебя получится воскресить мертвеца, я расскажу отцу что-нибудь приятное, все, что пожелаешь.

— Я веду себя честно и достойно, и на самом деле мне ничего не нужно. Все, что я сказал перед Хуайинхоу, не более чем правда.

У Ду опустился на одно колено перед Дуань Лином с несколько озадаченным выражением лица, а затем достал из аптекарского мешочка фарфоровую бутылочку и насыпал в нее пиллюлю.

— Ты действительно можешь вернуть его к жизни?

Яо Чжэн нашла У Ду совершенно невосприимчивым к здравому смыслу.

Он не отвечал ей. Размяв пилюлю в порошок, он дал ее Дуань Лину, массируя горло, чтобы она лучше усвоилась. Поднявшись на ноги, он обратился к Яо Чжэн:

— Но если он действительно выживет, ты исполнишь свое обещание?

Яо Чжэн подняла бровь, наблюдая за У Ду. Поглядев на него некоторое время, она прошла мимо пляжа и снова села на лошадь. Со своего места она посмотрела на воду сверху вниз и вскоре заговорила снова:

— Я умею держать слово, поэтому, разумеется, спор будет в силе.

Выражение лица У Ду снова помрачнело, так как он уловил насмешку в ее словах. Прошло немного времени, и он сказал:

— Смотри, он уже дышит.

— Забудь об этом.

Яо Чжэн казалось, что У Ду был похож на мешок с песком, который никогда не отвечал, а если его ударить, то он просто подставит другую щеку. За все время он так ничего и не сказал, и она просто сочла его скучным. Не задумываясь, она произнесла:

— Я пойду поиграю с Улохоу Му. Можешь больше не ходить за мной.

— Подожди!

У Ду собирался подбежать к ней, но Яо Чжэн подобно порыву ветра уже поскакала по горной тропе. Две собаки несколько раз тявкнули на У Ду, прежде чем побежать за ней, и даже в их лае чувствовалось презрение, словно они смеялись над его несчастьем.

В преддверии весны сычуаньский дворец был наполнен порхающими в воздухе лепестками, и Цай Янь сидел у главного дворцового зала под дуновением теплого ветерка.

Ли Яньцю умывался, и Цай Янь ждал его снаружи.

— Наследный принц здесь? — спросил Ли Яньцю.

— Ваше Величество, — ответила дворцовая служанка, — Его Высочество всю ночь ждал снаружи.

— Тогда пусть войдет.

В комнату зашел Цай Янь и, отдав дань уважения Ли Яньцю, вышел вперед, чтобы прислуживать ему.

— Дядя, когда я вернулся вчера вечером, ты уже спал. Ты плохо спишь в последнее время?

— Мне приснился сон, — произнес Ли Яньцю. — Вот почему я подумал о тебе. Мне было беспокойно, и я хотел спросить, чем ты занимаешься.

В дворцовом зале царил оживление. Ли Яньцю положил руку на стол, и служанка и евнух помогли ему надеть кольца. Цай Янь достал из деревянной шкатулки вторую часть нефритовой дуги и, встав на одно колено, аккуратно прикрепил ее к поясу Ли Яньцю.

— Мне снился тот день, когда ты вернулся.

Ли Яньцю нежно улыбнулся.

— Ты был один, и все вокруг было размыто, так что я не мог разглядеть твое лицо. Мне было очень тревожно.

Ли Яньцю тоскливо улыбнулся, но Цай Янь не улыбнулся в ответ. Его глаза были полны печали.

Дворцовая служанка в обеих руках держала над головой чашу с лекарством.

Ли Яньцю даже не удосужился взглянуть на чашу, прежде чем взять ее и выпить.

— Я тоже плохо спал прошлой ночью. Мне снился мой отец.

— Возможно, он пытался передать тебе послание через твои сны.

Ли Яньцю вздохнул.

— Но он не приходил в мои сны все это время. Наверное, он все еще винит меня.

— Он никогда бы так не подумал. Ты слишком беспокоишься, дядя.

— Не бери в голову.

Ли Яньцю быстро улыбнулся и небрежно спросил:

— Твоя двоюродная сестра навещала тебя?

Цай Янь покачал головой, и Ли Яньцю обратился к охраннику:

— Пошлите кого-нибудь к принцессе с приглашением пообедать вместе.

Вернувшись во дворец во второй половине дня, Яо Чжэн все еще была с ног до головы одета в мужскую одежду, а ее сапоги даже были покрыты грязью, когда она поприветствовала Ли Яньцю и Цай Яня. Цай Янь плохо спал прошлой ночью, поэтому у него немного кружилась голова.

— Привет, Жун.

Яо Чжэн спросила:

— Где Улохоу Му?

— Я не мог заснуть прошлой ночью и вышел прогуляться. Он хотел пойти со мной, но я сказал, что ему не нужно ждать. Я пошлю за ним прямо сейчас, и он сможет составить тебе компанию после обеда, но куда ты собираешься идти?

— Я еще не думала об этом, так что посмотрим. Я решила сначала подняться на гору Вэньчжун. Ты идешь или нет?

— Я не пойду. Мне нужно утвердить документы.

— Эй, — Яо Чжэн даже не знала, что на это ответить.

Ли Яньцю спросил ее:

— Когда твой отец отправит за тобой кого-нибудь?

Яо Чжэн сказала:

— Я думала, может, мне стоит остаться здесь навсегда.

Ли Яньцю ответил:

— Тогда это будет хорошая возможность найти тебе пару.

Выражение лица Яо Чжэн омрачилось, но после некоторого раздумья на нем появилась неловкая улыбка.

— Хе-хе, дядя...

— Тебя уговаривают выйти замуж дома, но и приехав к дяде тебе все равно придется выйти замуж вслепую. Выбирай сама.

Яо Чжэн не решалась заговорить снова. Она просто опустила голову и принялась за еду. Снаружи объявили, что прибыл Улохоу Му, и Цай Янь велел ему подождать снаружи. Ли Яньцю попросил слугу принести еду, чтобы он пообедал в соседнем зале.

Другой евнух объявил:

— У Ду желает поговорить с принцессой.

Ли Яньцю, не задумываясь, произнес:

— Пусть убирается. Зачем он так часто навещает сюда?

И тот ушел, чтобы прогнать У Ду.

В это время у У Ду не было жетона, позволяющего ему по желанию входить во дворец, поэтому он ждал за воротами, держа в руках поводья лошади. На ее спине лежало что-то, прикрытое тканью.

Он прождал целый час, прежде чем дворцовый стражник передал ему сообщение о том, что он может уезжать и что принцесса его не примет. И вот У Ду повел коня по улицам и вернулся к месту своего пребывания — в отдаленный дворовый дом во владениях канцлера.

Поместье канцлера состояло из четырех больших частей*, имело сорок восемь дворов из более чем ста зданий и множество слуг*. В самом отдаленном углу был устроен дальний двор с тремя зданиями и одним дворовым домом с конюшней и сараем. После того как Ли Цзяньхун пожертвовал собой, жителям Сычуани пришлось влиться в новые ряды. У Ду был завербован Му Куандой и нашел себе место для проживания.

* Размер дворового дома — «сихэюань» — измерялся в □ / цзинь / входе. Четыре входа через четверо больших ворот обычно приводили во двор хозяина в сихэюань с четырьмя цзинями, но планировки не стандартизированы. Поместье канцлера размером с небольшую деревню.

* Домашние слуги были социальной группой в императорском Китае.

Его часто высмеивали как «раба с тремя фамилиями»* — сначала он следовал за Чжао Куем, затем недолго работал под началом Ли Цзяньхуна и, наконец, оказался в поместье Му Куанды, став его приближенным. За все эти годы четыре великих убийцы достигли исторической славы: Улохоу Му сопровождал наследного принца в столицу и заслужил немало почестей; Чжэн Янь жил в Хуайине в уединении, и хотя открыто заявлял, что ему нет дела до того, что происходит в мире, на самом деле он был доверенным лицом Хуайинхоу Яо Фу; Чан Люцзюнь всегда был значим для Му Куанды; только У Ду по-прежнему не везло — все его задания заканчивались провалом. Два его первых хозяина погибли один за другим, и ему, как бродячему псу, ничего не оставалось, кроме как отдать себя в руки семьи Му.

* В «Троецарствии» Чжан Фэй назвал Люй Бу рабом с тремя фамилиями, чтобы высмеять его неверность. Три фамилии Люй Бу — его собственная и двух его последующих приемных отцов. Он убил их обоих.

Другие его приближенные даже пытались предупредить Му Куанду, что У Ду суждено наводить порчу на своих хозяев, и тому лучше не брать его к себе. Были и те, кто подозревал, что Ли Цзяньхун был убит У Ду. В разгар всех этих разногласий Му Куанда лишь улыбнулся и принял клятву верности У Ду, оставив ему место на банкете среди своих многочисленных помощников.

В конце концов, У Ду слишком много знал о Чжао Куне, и все, что он мог сделать с таким человеком, — это либо убить его, либо завербовать; просто выбросить его было не лучшим решением. К тому же, даже если он был близок к тому, чтобы вычеркнуть его имя из списка, прозвище одного из четырех великих убийц все равно на что-то да годилось.

Му Куанда вроде бы относится к У Ду как к ценному советнику, но на самом деле он к нему не обращался. Большую часть времени он пребывал в статусе бездельника, а Чан Люцзюнь смотрел на него свысока. Таким образом, У Ду стал жить в поместье канцлера, и в основном никому не было дела до того, чем он занимался изо дня в день.

Чан Люцзюнь однажды напомнил Му Куанде, что У Ду может затаиться здесь и что когда-нибудь он отомстит за Чжао Куя. Однако Му Куанда ответил на это так: «Определенно нет. У Ду никогда не был соперником ни для кого из вас, и это не потому, что он никогда не знал, чего хочет. Он просто блуждает по жизни».

Подумав, Чан Люцзюнь согласился с этим мнением — У Ду был не слишком настойчив, а его боевые искусства не были достаточно хороши, поэтому он перестал обращать на него внимание. Поначалу в доме при дворе было несколько слуг, чтобы присматривать за ним, но, видя, что семья Му не слишком ценила У Ду, они стали бездельничать. В итоге однажды У Ду

накричал на них и прогнал всех слуг, оставшись единственным человеком, который здесь живет.

Придя домой, У Ду задернул ткань, снял Дуань Лина и уложил его во дворе, после чего налил в чашу крепкого алкоголя и выплеснул на его лицо. Тот начал задыхаться, но не проснулся. У Ду осмотрел его, но тут во двор кто-то пришел и сообщил, что его хотел видеть канцлер.

У Ду не осталось другого выбора, кроме как уйти.

Му Куанда заваривал чай, а Чан Люцзюнь сидел неподалеку и ел свой обед. Ткань, которую он использовал в качестве маски, лежала на низком столике, и на лице отчетливо была видна татуировка, когда он смотрел на У Ду.

— Я попросил тебя составить компанию Яо Чжэн, пока она будет осматривать достопримечательности.

Му Куанда выглядел безразличным.

— Так почему же ты потерял ее из виду и вернулся один?

— Ничего не могу поделать. Она меня не уважает.

Му Куанда поставил чашку с зеленым чаем на край стола. В глазах У Ду появилась настороженность, и он сделал глоток.

— Уважение, — произнес Му Куанда, — это то, чего добиваются боем.

— Верно.

У Ду понял, что снова навлек на себя позор, но в то же время не знал, что ему ответить.

Му Куанда уже высказал свою точку зрения, и он не пытался ему перечить.

— Если ты не знаешь, как расположить к себе девушку, то научись. Ты никогда не сможешь преодолеть свой упрямый нрав. Я прошу тебя убить — ты не убиваешь; прошу тебя покорить принцессу — ты и этого не делаешь. Так скажи мне — что конкретно ты хочешь делать?

— Я обязательно это сделаю, — почтительно ответил У Ду.

Чан Люцзюнь засмеялся. У Ду только и делал, что смотрел на чашку с чаем.

— Взгляни на эту формулу.

Му Куанда протянул ему рецепт.

— Соедини все препараты и в течение месяца дай мне знать, насколько хорошо они работают.

У Ду сразу же кивнул и сказал «как будет угодно».

Му Куанда добавил:

— Если ты не можешь быть уверен, то найди кого-нибудь, на ком можно было бы опробовать.

У Ду встал и попросил разрешения удалиться, но Чан Люцзюнь напомнил ему:

— Чай.

Он вернулся только для того, чтобы допить чай, который ему дал канцлер. Поклонившись Му Куанде и кивнув Чан Люцзюню, У Ду отправился домой.

Дуань Лин все еще лежал во дворе; он уже давно проснулся, но боялся что-либо сказать, опасаясь, что его снова убьют.

Он услышал громкий стук захлопнувшейся двери. Кто-то вернулся.

Чувствуя себя совершенно униженным, как только зашел в дом, У Ду опрокинул медицинский столик. Выпустив долгий вздох, он переступил порог и взглянул на бескрайнее чистое небо над головой, и не прошло и мгновения, как он уже подошел к Дуань Лину и взял его за волосы; тот успел только открыть глаза, как У Ду отшвырнул его в сторону. В глазах Дуань Лина застыл ужас, и он посмотрел на У Ду.

Ему не понадобилось много времени, чтобы узнать У Ду, потому что он увидел татуировку на его шее. В одно мгновение перед глазами всплыло прошлое: метель в Шанцзине, золотая сороконожка, свернувшаяся в клубок... У Дуань Лина возникло чувство, что на этот раз ему не удастся сбежать.

— Как тебя зовут? — холодно спросил У Ду.

Рот Дуань Лина открывался и закрывался, но ничего не выходило.

Между бровями У Ду пролегла глубокая складка, а выражение его лица стало полным опасений. Некоторое время он пристально смотрел на него, и тут до него дошло:

— Откуда ты?

Дуань Лин не решался ответить. Из всего, о чем его расспрашивал У Ду, он сделал один вывод: пока что он в безопасности. У Ду, похоже, не знал, кто он такой.

Впервые он увидел У Ду в аптеке в Шанцзине; в ту ночь лампы были притушены, бушевала метель, а ему было всего восемь лет, и он выглядывал из-за прилавка, встретившись с ним взглядом. С тех пор У Ду больше никогда не видел его лица.

— Ты немой? — спросил У Ду.

Дуань Лин отполз в угол и, чтобы не вызвать его подозрений, изобразил испуг, не желая смотреть на него лицом к лицу.

У Ду некоторое время рассматривал его с растерянным выражением лица.

— Скажи что-нибудь.

Дуань Лин покачал головой и открыл рот, желая что-то сказать. И тут он понял, что больше не может говорить. Слова были на кончике языка, но голосовые связки не поддавались контролю. Все, что он мог сделать, — это издать тихий звук «ах».

По этому звуку У Ду понял, что юноша немой.

Он слегка нахмурился: у него было четкое ощущение, что что-то не так, но он не мог точно определить, что именно. Вскоре он развернулся и направился обратно в дом.

Как только он ушел, Дуань Лин внимательно следил за каждым его движением. Увидев, что У Ду явно не обращал на него внимания, он немного успокоился и начал размышлять.

Что это за место? Он перебирал в голове все, что пережил до сих пор, и как только стал думать, голова начала пульсировать от боли. Сначала он прибыл в Сычуань, потом нашел Лан Цзюнься, они пили вместе, а Лан Цзюнься отравил еду...

Дуань Лин опустил взгляд на свою одежду. Она наполовину промокла, а кожа на пальцах сморщилась от воды.

Лан Цзюнься хотел убить его? Да, по крайней мере, в самый последний момент он это

почувствовал. Но почему тогда он не умер? И сейчас он здесь. Неужели тот, кто спас его, на самом деле У Ду?

У Ду дремал в доме после обеда. Вскоре, проснувшись, он снова выглянул во двор. Дуань Лин был все еще там. Он не пытался бежать, а свернулся калачиком, обхватив колени, и дремал, как собака.

— Ешь.

У Ду выбросил две лепешки во двор, и они упали на землю, затем он налил в миску воды и поставил перед Дуань Лином.

Дуань Лин смотрел на него, боясь прикоснуться к тому, что он дал. У Ду развернулся и вернулся в дом. Дуань Лин наблюдал за ним со стороны и видел, что он засел за книгу, изучая рецепт; вероятно, у него не было времени беспокоиться о том, что задумал Дуань Лин. Голод взял верх над осторожностью, и он схватился хлеб и начал есть.

Его горло болезненно жгло. Он пытался говорить тихо, но обнаружил, что ничего не мог вымолвить. Его отравили до немоты.

Почему Лан Цзюнься решил убить меня? Неужели он присягнул на верность Му Куанде? Дуань Лин почувствовал опасность, но если Лан Цзюнься узнает, что он еще не умер, то обязательно придумает, как его убить. Если он хотел остаться в живых, то должен был как можно скорее покинуть Сычуань.

Но где же его отец? Скорее всего, его нет в Сычуани, но Дуань Лин никак не мог узнать, куда он отправился. Зная своего отца, он наверняка уехал на Вань Ли Бэнь Сяо один, не имея при себе ничего, кроме меча, и покинул имперский город, чтобы бродить по миру в его поисках. Когда же они снова встретятся?

Перед Дуань Лином открылось два пути. Один из них — сбежать как можно скорее, пока У Ду еще не знает о его личности, и отправиться на поиски Ли Цзяньхуна.

Другой вариант — остаться здесь, но при этом нужно быть предельно осторожным. Предположительно, ни Му, ни У Ду не знали, кто он такой — только Лан Цзюнься.

Последний вариант на самом деле был безопаснее первого. По крайней мере, здесь, в доме У Ду, пока его не обнаружит Лан Цзюнься, он сможет дождаться дня, когда Ли Цзяньхун вернется в столицу.

Дуань Лин решил, что пока останется и будет наблюдать.

У Ду весь день ломал голову над рецептом, и, похоже, это не давало ему покоя. Он вышел во

двор и стоял там некоторое время, а затем с лассо в руках накинул веревку на шею Дуань Лина и затянул.

Тот сразу же покраснел и, думая, что У Ду собирается повесить его, схватился за лассо обеими руками и попытался ослабить его. Но У Ду ничего не сказал ему и просто привязал другой конец веревки к дверной ручке сарая, приковывая Дуань Лина, как собаку. После этого он снова покинул это место.

Длины веревки хватало, чтобы добраться до туалета и сарая. Таким образом, Дуань Лина теперь держали во дворе.

К вечеру, когда У Ду вернулся, на его лице снова было написано раздражение: он бросил Дуань Лину немного еды, и он ее съел. В доме зажглись лампы, и тень У Ду упала на окно. Поздно вечером он вышел из дома, чтобы проверить.

Молодого человека во дворе уже не было.

Один конец веревки был привязан к двери сарая, а другой уходил внутрь.

Очевидно, Дуань Лин нашел место для ночлега.

У Ду внезапно счел все это довольно забавным; покачав головой, он закрыл дверь и лег спать.

В сарае Дуань Лин лежал и пытался всеми способами развязать узел на веревке, но она была сделана из сухожилий крупного рогатого скота, и узел был затянут намертво. Как бы он ни старался, развязать его не удавалось, и ему ничего не осталось, как надеть веревку на себя, уснув с ощущением крайнего неудобства.

В голове все время всплывал образ стола Лан Цзюнься, уставленного яствами; когда он разобрался в своих мыслях и все стало ясно, он не обнаружил в себе ни капли злости — все, что он чувствовал, — это всепоглощающую печаль. Он не мог понять, печалился ли он оттого, что отец правильно предвидел это, или оттого, что Лан Цзюнься обманул его доверие.

Этой ночью, лежа на ледяном жестком полу дровяного сарая, Дуань Лин увидел сон.

Ему снилось, что он проснулся в великолепном дворце, и когда он несколько раз позвал отца, к нему подошел стражник и сказал:

— Ваше Высочество, Его Величество на утреннем собрании. Я пойду позову его.

Дуань Лин лежал на кровати во дворце, и вскоре в комнату зашел Ли Цзяньхун, одетый в хорошо сидящую придворную мантию, и с улыбкой присел на край кровати.

— Ты уже проснулся?

Дуань Лин немного захныкал, что хочет еще чуть-чуть понежиться в постели, и Ли Цзяньхун лег, не снимая одежды, чтобы составить сыну компанию, пока тот спал. Он приказал кому-то по ту сторону полога сорвать ветку цветущего персика и поставить ее в вазу.

Дуань Лин словно вернулся в детство: его голова покоилась на плече Ли Цзяньхуна, а сам он играл с украшением, висящим у него на поясе, — второй половинкой нефритовой дуги.

Солнечный свет проникал сквозь занавес кровати на лицо Дуань Лина; он открыл глаза и проснулся, глядя на трещину в потолке сарая. Над ним в лучах солнца танцевали пылинки, под ним был ледяной пол, а вокруг стоял запах дров и угля. Он выполз из сарая; на рассвете птицы в поместье канцлера пели непрерывную песню, а дверь дома У Ду была по-прежнему закрыта.

На шее Дуань Лина была завязана веревка, и спустя ночь на его коже образовалась царапина от трения. Он подошел к колодцу, чтобы набрать воды и вымыть лицо и шею, убрав кислую вонь пота, прилипшую к телу.

Услышав шум снаружи, У Ду проснулся и почувствовал себя весьма озадаченным. Он стоял в дверях и смотрел на улицу, одетый в белоснежную одежду. Дуань Лин закончил умываться и теперь поливал одну за другой клумбы во дворе. Поскольку некоторые из них находились слишком далеко, а радиус действия был ограничен веревкой, от остальных он отказался.

Наконец он зачерпнул ведро воды, поставил его посреди двора и толкнул вперед. У Ду понял, что он имел в виду, — это для него.

Закончив со всем этим, Дуань Лин сел рядом с клумбой, прислонился спиной к стене и взглянул на чистое голубое небо.

У Ду поспешно умылся, переоделся и сразу же вышел из дома.

Что касалось Дуань Лина, то он некоторое время сидел во дворе, все еще размышляя о том, как ему поступить дальше. Судя по действиям Лан Цзюнься, Му Куанда, вероятно, очень настороженно относился к существованию Дуань Лина, и его разум постепенно успокоился после резкой перемены судьбы. Сейчас он должен был позаботиться о том, чтобы остаться в живых, ведь впереди было еще много дней.

В течение следующих нескольких дней У Ду то появлялся, то исчезал, уходя рано утром и возвращаясь в полдень, кипя от гнева. После обеда он начинал готовить лекарственные ингредиенты и делать отвары. Так продолжалось до тех пор, пока в конце этих нескольких дней У Ду не вышел с чашей лекарства и не сказал Дуань Лину:

— Открой рот.

Тот открыл рот, и У Ду влил ему в горло отвар. Когда жидкость попала в гортань, она словно загорелась. Испытывая такую боль, какую он никогда не испытывал, Дуань Лин лег у стены и судорожно сглотнул, но У Ду смеялся, наблюдая за его реакцией.

Все внутренние органы Дуань Лина пульсировали от боли. Вскоре он подполз к клумбе и его начало рвать. У Ду некоторое время наблюдал за ним, а когда заметил, что веревка уже прорезала шею Дуань Лина и рана стала сырой и красной, вернулся в дом за мечом и почти небрежно вонзил его в шею Дуань Лина.

Тот инстинктивно пытался уклониться, но лезвие двигалось молниеносно и перерезало веревку.

Дуань Лина долго тошнило, а потом он в изнеможении лег на землю, похожий на дохлую собаку. У Ду взял стул и сел по одну сторону от него, холодно спросив:

— Кто тебя отравил?

Зрачки Дуань Лина постепенно расширились. У Ду немного изучил его глаза и спросил:

— Ты умеешь писать?

Пальцы Дуань Лина дернулись, У Ду засунул между ними палочку угля, но он не мог ухватиться за нее — рука дрожала, и уголь упал на землю. Голос У Ду звучал то близко, то далеко, и Дуань Лин слышал, как он говорил:

— Судя по тому, что я вижу, тебя отравили чем-то под названием «Спокойная смерть». Этот яд не так-то просто заполучить. Кто бы мог испытывать такую глубокую ненависть к твоей семье?

Чувства Дуань Лина постепенно вернулись, но когда он открывал рот, то издавал лишь бессмысленные звуки «ах, ах». У Ду еще некоторое время наблюдал за ним.

— Яд еще не весь вышел. Пока хватит и этого.

В этот момент кто-то, не объявляясь, зашел во двор, — это был Чан Люцзюнь.

— Что это? — недоверчиво спросил он.

— Это мой испытатель лекарств, — сказал У Ду, — на котором я пробую снадобья.

Чан Люцзюнь не стал расспрашивать его об этом.

— Тебя зовет Канцлер Му.

У Ду пришлось встать, и, оставив Дуань Лина во дворе, он снова ушел.

Дуань Лину казалось, что все его внутренности скрутили в узел, но после рвоты и поноса он почувствовал себя гораздо лучше. Когда У Ду вернулся вечером, Дуань Лин убрал все места, где его тошнило, и даже перекопал землю в саду. У Ду держал в руках траву, известную как «ядовитый дракон», и посадил ее в почву во дворе.

Дуань Лин наблюдал за действиями У Ду, ничего не говоря, но, когда тот собрался полить пересаженную траву, Дуань Лин помахал ему рукой, говоря, что на данном этапе поливать ее не следует. У Ду с сомнением посмотрел на него и встал; Дуань Лин несколькими жестами дал понять, что У Ду должен позволить ему это сделать.

Он отпихнул Дуань Лина в сторону и вылил на клумбу полмиски воды. Через два дня листья ядовитого дракона пожелтели. Он умер.

У Ду выкопал траву и обнаружил, что корни размякли, и ему ничего не осталось, как снова обратиться к Му Куанде, чтобы тот прислал кого-нибудь выкопать это лекарственное растение. Когда он принес его, то бросил ядовитого дракона Дуань Лину. Он набрал пальцами немного грязи и посадил траву в маленькую чашу, из которой пил воду, затем пролил несколько капель воды на листья и поставил растение в прохладное темное место.

— Ты садовник? — спросил У Ду.

Дуань Лин пристально посмотрел на него. У Ду предполагал, что раз он появился на берегу притока реки Мин, то, возможно, его занесло течением из верховья Сычуани; наверное, его отец был садовником или фермером. Это хорошо. Это избавит его от многих проблем.

У Ду дал Дуань Лину еще одну миску и два раза в день позволял ему есть, сидя в дверном проеме. В конце каждого приема пищи Дуань Лин сам мыл посуду. Создавалось такое впечатление, будто У Ду завел себе собаку и просто находил забавным ее присутствие; однажды он даже заглянул в сарай, увидев, как там все убрано, а миска и палочки для еды аккуратно расставлены.

Однако Дуань Лин никогда не бывал сытым. Пятнадцать лет — лучший возраст для юноши, но все, что он получал за каждый прием пищи, — меньше половины миски риса и немного зеленых овощей, поэтому большую часть времени он чувствовал себя голодным, но не осмеливался пытаться украсть что-нибудь съестное. Иногда, когда у У Ду было плохое настроение и он не хотел много есть, он выходил после трапезы, бросал остатки еды в собачью миску Дуань Лина, а свою миску и палочки швырял в деревянный таз. К тому времени, как он оглядывался, Дуань Лин уже успевал покончить с едой.

— Ты так много ешь.

Однажды У Ду вдруг пришла в голову идея узнать, сколько он может съесть за один раз, и дал ему немного больше, чем обычно. Дуань Лин съел все. У Ду дал ему еще немного, и Дуань Лин доел и это. Затем он дал ему несколько кусков лепешек, и Дуань Лин тоже успел их съесть. Наконец У Ду дал ему две паровые булочки, но к этому времени Дуань Лин уже не мог больше ничего запихнуть в желудок и с трудом попытался все это проглотить, а У Ду просто забавлялся, наблюдая за происходящим. Спустя некоторое время Дуань Лин отнес паровые булочки обратно в дровяник и отложил их, планируя съесть, когда проголодается.

У Ду начал давиться от смеха, и Дуань Лин тоже немного посмеивался над собой.

У Ду замолк, глядя на юношу, он вдруг ощутил странную досаду, словно этот немой был таким же, как он сам, живущий с меньшим достоинством, чем у бродячей собаки.

Он бросил ему халат, который больше не был ему нужен, и Дуань Лин взял его, думая, что У Ду хотел, чтобы он его постирал. На следующий день, сполоснув его и высушив на солнце, он аккуратно сложил его и поместил в дверной проем.

У Ду бросил на него недоуменный взгляд.

— Это тебе.

Дуань Лин лишь неловко кивнул и забрал халат с собой.

Даже если он видел в происходящем лишь содержание собаки, собаководство — дело эмоциональное. Может быть, эта собака была и не так уж привязана к нему, но когда У Ду каждый день возвращался и видел Дуань Лина, занятого на клумбе, у него возникало странное чувство: может быть, на улице над ним и насмехались, но когда он приходил домой, то чувствовал себя немного спокойнее.

Иногда, когда он уходил по делам после еды, он вдруг вспоминал, что еще не покормил щенка, который живет у него дома, и думал, что тот, наверное, уже проголодался.

Однажды У Ду обратился к Дуань Лину с вопросом:

— Сколько тебе лет?

Дуань Лин сидел перед клумбой и ухаживал за редкими растениями и травами, которые посадил У Ду. Развернувшись, он поднял вверх указательный палец левой руки и развел правую руку ладонью вниз. Мне пятнадцать.

Он знал, что рано или поздно У Ду начнет интересоваться его личностью, и ему нужно было придумать какую-нибудь легенду, иначе, если У Ду начнет что-то подозревать, он окажется в еще большей опасности.

У Ду оценивал Дуань Лина, и в нем зарождалась симпатия, ощущение, что они были в одной лодке. Он постучал костяшками пальцев по столу.

— Выпей эту чашу с лекарством.

Дуань Лин отложил лопату и подошел к двери, но не решался войти внутрь. У Ду сидел за столом в одиночестве, а на его лицо из проема падали солнечные лучи. Он сказал Дуань Лину:

— Заходи.

Дуань Лин зашел и выпил лекарство. Внезапно его горло начало дергаться, словно миллион иголок кольнули его кожу, и так зудело, что он едва мог терпеть. Он выбежал на улицу и, схватившись за горло, начал кричать.

— Кричи, — бесстрастно произнес У Ду. — Кричи, и твои голосовые связки постепенно разомкнутся.

Дуань Лин кашлял, хрипло вопил, катался по земле и кричал срывающимся голосом.

— Неужели все так плохо?

У Ду не знал, смеяться ему или плакать, и продолжил листать свою «Книгу медицины», молча размышляя над ее содержанием.

В сумерках Дуань Лин уже мог говорить. Он несколько раз произнес «ах, ах», а У Ду вышел посмотреть на него во время ужина и сказал:

— Скажи что-нибудь.

Дуань Лин произнес «а», а У Ду ответил:

— Скажи «я».

— А... я.

Голосовые связки Дуань Лина восстановились.

У Ду сказал:

— Ешь.

Дуань Лин склонил голову и начал есть, а У Ду нетерпеливо пнул его.

— Я просил тебя сказать «ешь».

Дуань Лин выплюнул полный рот еды и несколько раз поперхнулся. Подняв голову, он сказал У Ду:

— Е-ешь.

— Повтори: «Длинный шест, широкая деревянная скамья, шест привязан к деревянной скамье»*.

* Это классическая фраза, но в данном случае используется современная, которая изменилась со времен династии Сун. S.H.E. (музыкальная поп-группа) выпустила песню с этой строчкой. Песня называется 简简单单 (буквально: Китайский язык). Это первые две строки, но они немного отличаются от того, что использовал Фэйтянь.

Дуань Лин молча смотрел на него в течение секунды, прежде чем начать:

— Длин... длинный шест...

Он заикался, и У Ду разразился хохотом, показывая на Дуань Лина и смеясь так сильно, что из его глаз текли слезы. У Дуань Лина тоже наворачивались слезы, и он кивнул У Ду, сомневаясь, стоит ли ему встать на колени и поклониться, чтобы поблагодарить за исцеление, но тот, видимо, уже забыл о нем и повернулся, чтобы уйти в дом.

— Как тебя зовут? Откуда ты родом?

У Ду был сегодня в особенно хорошем расположении духа, и в доме за едой он вновь небрежно спросил об этом Дуань Лина.

Меня зовут Дуань Лин, моего отца зовут Дуань Шэн... — эти слова проплыли в голове Дуань Лина.

Меня зовут Ли Жо, моего отца — нынешний император Ли Цзяньхун... — еще один набор слов проплыл в его голове.

— Ван... — произнес Дуань Лин. — Шань.

Он не смел сказать ему, что его зовут Ли Жо, и не смел сказать, что его зовут Дуань Лин. Если по какой-то случайности Му знали значение имен «Дуань Лин» и «Ли Жо», сказать ему об этом

будет сродни прыжку в огонь.

— Ван Сяошань. Откуда ты?

— Из Сюньбэя, — хриплым голосом ответил Дуань Лин*.

* Север Сюньяна — район к западу от Шанцзы, недалеко от Жунани, родного города Дуань Лина.

— Из Сюньбэя? — спросил У Ду, сбитый с толку.

— Что ты делаешь здесь, если ты из Сюньбэя?

— Отец... отец продавал лекарства, его ограбили.

Это подтвердило некоторые догадки У Ду.

— Где его ограбили?

— В Тунгуань*.

* Это к северу от Сычуани.

— Тебе повезло, — не задумываясь, бросил У Ду.

За последний месяц Дуань Лин продумал все до мелочей: люди в «родном городе» Сюньбэй, о котором он сказал, говорили с таким же акцентом, как и жители Сюньяна*, а само поселение было захвачено монголами, когда он был в бегах, — это было одно из тех мест, через которые он проходил, когда бежал на юг. Даже если кто-то и проверит, то ничего не найдет. По словам Дуань Лина, его мать погибла на войне, и он вместе с отцом уехал из Сюньбэя в Силян по делам, чтобы купить лекарственные ингредиенты, надеясь торговать ими по дороге в Сычуань. Но в итоге наступили смутные времена, их ограбила банда разбойников, а его самого схватили бандиты, напоили ядовитым чаем и бросили в реку Мин. Он полагал, что, скорее всего, его тело долго плыло по течению и в конце концов ему посчастливилось сесть на мель возле города Сычуань.

* Древний (ханьский) город Сюньян находился в Хубэе.

Таким образом, конец истории совпадал с реальностью, и У Ду больше не испытывал никаких сомнений. Единственное, что не имело смысла, — это особый яд, который был использован против Дуань Лина.

— Что за разбойник мог применить к тебе «Спокойную смерть»?

— Я... Я не знаю. Отец... отец купил секретную формулу... в Силян.

У Ду отбросил это подозрение и не стал на него давить. Существовало множество видов яда, которые могли оказывать самые разные действия; из своих обширных знаний о бесчисленных ядах этой земли У Ду знал, что «Спокойная смерть» стоила очень дорого, процесс ее приготовления был довольно хлопотным, к тому же она была исключительно редкой. Он задал еще несколько вопросов, и Дуань Лин использовал все свои познания и воображение, чтобы выдумать ложь — он придумал рынок в Силян, рассказывая У Ду, что они с отцом приобретали там товары и случайно купили небольшой чемоданчик с редким ядом, и в итоге взяли его с собой. Когда они проезжали мимо города в окрестностях Тунгуань, на них напали разбойники, и в конце концов его забрали, чтобы проверить яд в футляре.

На этот раз У Ду ему поверил. Какой бы странной ни была эта история, она была вполне приемлема.

— Маленький футляр из Сиюй.

У Ду спросил:

— Он был украшен тонкой резьбой?

Дуань Лин жестикулировал из-за двери, имея в виду, что речь идет о таком большом футляре.

У Ду не стал больше на него давить и сказал ему:

— Иди, постирай свою одежду.

Луна поднялась к центру неба, и в эту летнюю ночь Дуань Лин сидел во дворе и стирал свои вещи. В Сычуани становилось все жарче, и на У Ду были лишь тонкие шелковые штаны длиной до колен, он сидел без одежды, положив ноги на стол, а его стройная фигура была покрыта тонкими крепкими мышцами.

— Взгляни на себя, такой тонконогий и мягкий, скорее всего, ты настоящее сокровище в глазах своих родителей. Мы можем поспрашивать, и, если узнаем что-нибудь о твоём отце, пусть он принесет десять, может быть, двадцать таэлей серебра и тогда сможет забрать тебя домой.

Дуань Лин молча мыл одежду, а на его лице остались следы от слез.

Поздно вечером к ним пришел гость. Слуга произнес из-за ворот двора:

— К вам пришли.

— Кто? — спросил У Ду.

— Говорит, что его зовут Хэ.

— Пригласи его в дом.

Посетителем оказался пожилой мужчина; У Ду поспешно надел халат и навел порядок в комнате, а Дуань Лин вытер руки, налил воду в чайник и поставил его на плиту, чтобы заварить чай.

— Дядя Хэ*.

* «Шишу» означает «младший брат учителя».

У Ду поклонился.

Старик посмотрел на Дуань Лина.

— Я подобрал его в горах, — поспешно объяснил У Ду.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

— Я принес ингредиенты, о которых ты просил меня в прошлый раз. Здесь все написано.

Он протянул список и тканевый сверток.

У Ду сразу же поблагодарил его:

— Спасибо, что согласились приехать. Мне очень жаль, что я доставил вам столько хлопот.

— О, все в порядке. Я все равно собирался спуститься с гор, вот и решил заглянуть. В последнее время у меня появился новый яд. Решил дать тебе взглянуть.

Дуань Лин закончил греть воду и вернулся на улицу, чтобы постирать белье.

— Этот яд бесцветный и безвкусный, так что его не обнаружат, когда примут. Для его действия нужен катализатор, и как только катализатор попадет в цель, яд начнет действовать, и цель

умрет.

У Ду не открыл упаковку с ядом. Казалось, он погрузился в раздумья.

— О, У Ду, — произнес старик с упреком, и, возможно, он будто пытался надавить на него. — В жизни человека всегда есть вещи, которые он должен сделать.

— Я не могу преодолеть этот порог в своем сердце.

У Ду удовлетворенно откинулся на пятки и подтолкнул сверток обратно к столу.

— Учитель говорил мне, что отравление — это не убийство.

Старик по имени Хэ сел перед низким столиком лицом к лицу с У Ду и отпил глоток чая, который держал в руке.

— Этот хронически больной долго не протянет, так зачем его мучить? Ты с самого начала встал не на ту сторону. Ты должен был последовать за наследным принцем.

Дуань Лин повесил нижнюю рубашку У Ду, и, когда он это услышал, его руки резко остановились.

Он широко раскрыл глаза. С горизонта на Дуань Лина светила полная луна.

— У наследного принца есть Улохоу Му. Там нет места для меня. К тому же вы все правы, когда говорите это, и покойный император тоже был прав, когда говорил об этом. Моя склонность к излишней снисходительности делает меня непригодным для свершения великих дел. Я не отомстил ни за генерала Чжао, ни за покойного императора.

— Ты был с Чжао Куем много лет, а с Ли Цзяньхуном — всего десять дней. Кто из них важнее? Ты должен хорошо это понимать. В смерти Ли Цзяньхуна нет твоей вины.

Услышав это, Дуань Лин начал безудержно дрожать и перестал дышать.

Но У Ду ничего не сказал. Он лишь отпил глоток чая.

— Покойный император сказал, что я никогда не понимал, чего хочу на самом деле. Он был прав. Я бесцелен, как плавучая водоросль, плыву по течению, куда подует ветер. Раньше я следовал за генералом Чжао, после смерти генерала Чжао — за Ли Цзяньхуном, а после смерти Ли Цзяньхуна — за канцлером Му...

Когда Дуань Лин услышал «после смерти Ли Цзяньхуна», все звуки мгновенно отдалились от него на огромное расстояние, и в ушах больше не было ни малейшего шума. Все его тело полностью онемело, как будто в вены ввели смертельный яд, чтобы он циркулировал по всему телу; все чувства постепенно покинули его.

— Я пока испытаю этот яд, — У Ду открыл сверток, и внутри оказались порошок и несколько маленьких пилюль.

— Порошок — это яд, — объяснил старик, — а пилюли — катализатор. Сначала используй яд, затем пилюли. Смерть наступит в течение двух часов.

Он поднялся. У Ду надел сандалии и проводил гостя до самых ворот.

Когда он вернулся, то застал Дуань Лина сидящим на корточках перед низким столиком, глотающим сразу весь порошок и закидывающим пилюли в рот, запивая все холодным чаем, стоящим на столе.

— Эй!

В панике У Ду вбежал в комнату и громко закричал. Весь яд из свертка был съеден Дуань Лином; У Ду немедленно перекрыл его меридианные точки, встал на одно колено и перевернул его лицом вниз. Положив живот Дуань Лина на свое колено, У Ду переместил свою внутреннюю силу в руки и обрушил ее на его тело.

Рот Дуань Лина открылся, и он изверг из себя весь порошок вместе с обедом, который съел ранее. У Ду трижды подряд пропустил через него энергию, и Дуань Лина рвало снова и снова. У Ду сильно ударил его по лицу и закричал:

— Что ты творишь?!

Он оставил Дуань Лина на время и повернулся, чтобы поискать лекарство, которым можно было промыть желудок, а тот тем временем стал копаться на полу, роясь в рвоте в поисках пилюль. Как только он хватал одну, то сразу же клал ее обратно в рот.

У Ду успел найти половину того, что ему нужно, когда он обернулся и понял, что делает Дуань Лин. Он тут же бросился на него подобно шторму, и, схватив за воротник, нанес ему одну пощечину за другой, ударив не менее десяти раз подряд, пока Дуань Лин не начал видеть звезды и не потерял сознание.

Он упал на пол рядом со столом. У Ду удалось найти лекарство для промывания желудка, и, растворив его в чашке чая, он уложил Дуань Лина на спину и заставил пить через нос с помощью тростниковой трубки.

Прошло совсем немного времени, и Дуань Лин почувствовал, как внутри него поднялась сильнейшая буря, и его снова и снова жестоко рвало. У Ду вытащил его из дома и бросил во двор, где он лежал на боку на земле и дергался. У Ду много на что злился, но это было последней каплей; он был так зол, что даже не знал, с чего начать. Подняв кипящий чайник, он швырнул его в Дуань Лина, и горячая вода брызнула на него. Кипяток обжог шею и плечо, но Дуань Лин не шевелился, его безжизненные глаза были широко раскрыты и смотрели прямо на У Ду, стоящего в дверном проеме.

В этом взгляде не было ничего, кроме отчаяния, и У Ду не понимал, в чем дело. Он сделал шаг к нему и дал Дуань Лину пинка.

— О чем ты думаешь?

Он схватил его за воротник и немного приподнял, щелкнув пальцами перед его лицом, но Дуань Лин остался совершенно неподвижным — его глаза просто безучастно смотрели перед собой. Нетерпеливый, У Ду снова дал ему пощечину, но на четкий, ясный звук Дуань Лин никак не отреагировал.

Его глаза были широко раскрыты, из них медленно катились слезы, а в водянистых зрачках отражались черты лица У Ду.

Не понимая, что происходит, У Ду опустил его на землю и решил оставить в покое, вернувшись в дом, чтобы навести порядок. Он убрал рвотные массы на полу и непереваренное мясо, которое Дуань Лин съел ранее. Очевидно, ночью он был так голоден, что ел слишком быстро.

У Ду снова взглянул на Дуань Лина. Тот лежал на боку во дворе совершенно неподвижно, как будто был мертв.

Нахмурившись, У Ду бросил метлу и опустился, наклонив голову, чтобы посмотреть на него. Он заметил, что на земле было довольно влажно; из уголков глаз Дуань Лина непрерывно текли слезы, капая на землю во дворе и собираясь в лужицу, в которой подобно маленькому уголку мира отражалась Серебряная река.

— Да что с тобой такое? Эй!

Дуань Лин медленно закрыл глаза. У Ду не понимал, почему он так себя ведет, и снова ушел, чтобы навести порядок. По мере того, как он все убирал и отмывал, к нему пришло осознание.

Возможно, этот юноша с самого начала пытался покончить с собой, и единственное, что его останавливало, — это то, что он не мог найти хорошего способа уйти из жизни. Судя по тому, как он выглядел сейчас, возможно, его отец умер, а он, приняв яд, прыгнул в реку — и тогда мальчик был спасен им. Поначалу он вновь обрел желание жить, но, когда сегодня вечером он услышал о том яде, что-то, должно быть, подтолкнуло его к мысли о самоубийстве.

— Эй!

Закончив уборку, У Ду вышел из дома и переступил порог. Опираясь о колени локтями и закатав рукава, он рассматривал Дуань Лина, лежащего во дворе.

— Позволь спросить, ты сказал мне неправду? Ты ведь сам принял яд и прыгнул в реку.

Дуань Лин не произнес ни звука, он уже потерял всякое представление об этом мире, его разум был полностью пуст, сознание витало в том времени, когда он еще был с отцом, словно он выстроил стену, чтобы держать все происходящее во внешнем мире снаружи.

Процветающие улицы Сычуани тянутся на многие ли, а нефритово-зеленые реки извиваются вокруг, как ленты. Гора Юйхэн, увенчанная облаками, вечно окружена клубящимся туманом, а богатый, бурный Цзянчжоу никогда не спит... Небо — покрывало, земля — постель...

Когда наступает весна, персиковые цветы распускаются повсюду. А еще океан; океан тянется в бесконечность...

Я могу дать тебе все, что ты захочешь на этом свете.

У каждого есть что-то, чего он должен достичь в своей жизни... Кто-то рождается, чтобы сражаться в войнах, кто-то — чтобы стать императором...

Отец в долгу перед тобой. Никто и никогда не займет твое место.

Жизнь так коротка. Если ты живешь в этом мире, то у тебя нет другого выбора, кроме как столкнуться со многими ужасными и жестокими вещами.

Ты вырос.

Еще одно слово, и я больше не уйду. Я вообще никогда не хотел уезжать.

Сын мой.

— Твой отец умер?

В одно мгновение голос У Ду пробил стену и обрушил ее, заставляя сознание Дуань Лина понемногу вернуться.

— Твой отец, должно быть, хотел, чтобы ты выжил. Ты действительно видел как он умер?

Зрачки Дуань Лина постепенно вновь обрели фокус. На пороге сидел У Ду, его высокая фигура была подтянута, а плечи широки, как у охотничьей гончей. Он был очень похож на Ли Цзяньхуна, улыбающегося и говорящего с ним.

«А ты думал, отца больше нет?»

Ли Цзяньхун смотрел на него так нежно.

«Сын мой, я был с тобой все это время.»

В голове Дуань Лина проносилось множество мыслей, никак не связанных друг с другом; возможно, это было совпадением, а возможно, волей небес — так получилось, что только сейчас он получил известие о кончине отца.

Это известие пришло слишком неожиданно, оно сокрушило его в одно мгновение.

Но эта новость пришла в нужное время; она не побудила его умереть под скалами гор Сянбэй, в метели Лояна, под водой в бурном потоке реки Мин. Вместо этого он узнал эту истину перед незнакомым человеком, в эту лунную ночь.

Вместо того чтобы умереть, он был спасен У Ду.

Мысль о воссоединении с отцом то и дело поддерживала его, пока он не добрался до этого человека.

Незаметно, но неумолимо доблестная душа Ли Цзяньхуна, казалось, делала все возможное, чтобы помочь своему самому любимому сыну выжить в бренном мире.

Даже если он будет скитаться без средств к существованию, даже если все, кем он дорожил, покинут его... Ли Цзяньхун не хотел бы, чтобы Дуань Лин знал обо всем этом. Небеса по-прежнему заботились о семье Ли из Великой Чэнь, и в конце концов он ступил на дорогу, ведущую домой, и успешно вернулся.

Каждый раз, когда ему снился Ли Цзяньхун, кто-то приходил к нему, казалось, неся с собой некую судьбу и мандат небес. Его фигура снова исчезла, оставляя после себя растерянного У Ду, и сознание Дуань Лина постепенно вернулось.

— Подумай над этим, — наконец произнес У Ду. — Все рано или поздно должны умереть. Лучше бесполезная жизнь, чем хорошая смерть.

У Ду поднялся на ноги и вернулся в дом, закрыв за собой дверь. Он погасил свет.

Под луной Дуань Лин лежал в одиночестве, и только сейчас его нос слегка захрипел, а слезы хлынули, словно прорвало плотину. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным и опечаленным; он вскочил и закрыл лицо халатом, которым застилал пол, а затем, уткнувшись в колени, начал рыдать.

Он до сих пор помнил то время, когда отец отвел его в школу и стоял у окна, наблюдая за ним, и не мог смириться с тем, что ему придется уйти. Дуань Лин сам торопил его с уходом, чтобы одноклассники не смеялись и не сплетничали.

В ночь перед его отъездом в поход, когда они расставались в последний раз, отец даже сказал ему: «Скажи, что ты не ненавидишь меня. Скажи, что ты прости меня».

Тогда Дуань Лин не сказал ему этого, а хотел ударить в ладоши и поклясться вместе с ним. Но, по правде говоря, как он мог его ненавидеть? С самого раннего детства он уже ждал приезда отца. Он упрямо верил, что однажды он приедет, и они пройдут вместе через все трудности. Как Ли Цзяньхун переходил реки и горы, чтобы найти его, каким бы трудным ни был путь, так и Дуань Лин всегда ждал отца, как бы поздно он ни пришел. И все же Ли Цзяньхун пробыл рядом с ним так недолго; даже не попрощавшись, он покинул его так внезапно и так скоро.

Жизнь так коротка, — он наконец-то смог понять эти три слова.

Дверь внезапно открылась, и У Ду поднял фонарь, освещая лицо Дуань Лина. По его щекам текли слезы, и он смотрел на него. У Ду выглядел раздраженным, и, не зная, что еще можно сделать, зажал Дуань Лину рот и влил ему в горло миску с лекарством.

После приема снадобья его охватила сонливость, и Дуань Лин лег на бок. В голове у него было пусто, должно быть, это было какое-то успокоительное, не оставляющее ему времени думать о грустном.

Наутро Дуань Лин проснулся. Зевнув, У Ду после завтрака некоторое время наблюдал за ним. Тот, как обычно, ухаживал за цветами, поливал их и не пытался вновь покончить с собой.

— Я уже высказал свою точку зрения по поводу того, что хорошо, а что плохо, так что, если ты снова попытаешься покончить с собой, я не стану тебя останавливать. Но если ты хочешь умереть, не делай это здесь — не заставляй меня убирать труп. Понял?

Дуань Лин пристально уставился на У Ду. Стоя в коридоре, тот вдруг обнаружил, что Дуань Лин доставлял ему немало хлопот, но внутри него зародилось чувство, которое он не мог описать словами; он одновременно жалел и сочувствовал ему, но в то же время и восхищался им. Разумеется, Дуань Лину пришлось пережить немало трудностей.

— Приберись немного в комнате, — сказал ему У Ду, переодевшись в приличную одежду, и вышел из дома.

Дуань Лин снял обувь и зашел в дом, чтобы прибраться в комнате У Ду. После обеда снова было нечего есть, и он сидел в коридоре, глядя на голубое сияние над головой; снаружи начали звенеть цикады. Много из того, чего он не мог понять раньше, теперь стало вполне объяснимым, а вместе с этим ушло в прошлое.

<http://bllate.org/book/15657/1400645>